

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Russkaya Starina
 Has been issued since 2010.
 E-ISSN: 2409-2118
 2020, 11(2): 99-108

DOI: 10.13187/rs.2020.2.99
www.ejournal15.com

Adaptation of the Don Cossacks to Post-War Life (1920)

Andrey V. Venkov ^{a, *}

^a Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

The Don Cossacks were devastated during the Civil War and sought to get out of the war and come to terms with the new government. The Northern districts, which suffered heavily from the war, were particularly eager to do this. The Soviet government began to create new authorities from Pro-Soviet Cossacks, and the whites, who surrendered, were included in the Red army and sent to the front against the Poles and Wrangel. However, the Cossacks did not quickly adapt to the Soviet regime. The government did not trust most of the Cossacks, and the Cossacks were dissatisfied with the food policy of the Bolsheviks. There were no open uprising of the Cossacks on the Don in 1920, since the combat-ready Cossacks were either in the Red army or in the troops of General Wrangel. But the situation became explosive again, when the fighting on the fronts ended, and the Cossacks, who served in the Red army learned about the food policy, pursued by the authorities on the Don. Isolated actions of Red army units against the government began. The Don Cossacks did not adapt to post-war life in 1920. A new stage of relations between the Cossacks and the authorities was coming.

Keywords: Don Cossacks, Civil War, Soviet power, adaptation, food policy, 1920.

1. Введение

Выход из Гражданской войны для донских казаков, большинство которых воевало на стороне белых, был очень болезненным. В ходе войны казаки понесли значительные потери, их территория, ставшая ареной боев более чем на два года, была разорена. Противостоять Красной армии, не имея собственных заводов, производящих в достаточном числе оружие и боеприпасы, казаки не могли. Гражданская война на Юге России, по мнению большинства историков, закончилась в конце 1920 г. Но с территории Дона белые армии были вытеснены зимой 1919–1920 гг. Последнее сражение на донской территории у станицы Егорлыкской произошло 1 марта 1920 г. Сложившаяся ситуация, когда большинство боеспособных казаков оставило свою разоренную территорию, заставляла их искать примирения с победившими большевиками и адаптироваться к новым условиям жизни.

2. Материалы и методы

Проблемы выхода населения из войн, имевших место на Юге России, были отражены в недавно вышедшей работе «Войны и население Юга России в XVIII – начале XXI в.: демографические процессы и последствия» (Войны и население, 2019).

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: andrey_venk@rambler.ru (A.V. Venkov)

Непосредственно о событиях 1920 г. на Дону в последнее время писалось в работах С.А. Кислицына (Кислицын, 2015) и О.В. Рвачевой (Рвачева, 2017). Авторы обобщили труды предшественников, но не раскрыли некоторые детали политики власти на Дону, когда при формировании органов власти ставка делалась на красное казачество.

Большой материал по исследуемой теме содержится в материалах Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного военного архива, Центра документации новейшей истории Ростовской области, Государственного архива Ростовской области, в советской печати того периода.

Опираясь на принцип историзма и используя сравнительный и антропологический методы, автор прослеживает процесс адаптации донских казаков к жизни в новых условиях и причины срыва этой адаптации.

3. Обсуждение и результаты

Разделение казаков на красных и белых имело на Дону скорее территориальную, чем классовую окраску. На стороне красных выступила часть казаков Хоперского, Усть-Медведицкого и 2-го Донского округов. Особенностью этих северных округов было то, что экономически они были тесно связаны не столько с Ростовом и Новочеркасском, сколько с городами Воронежской и Саратовской губерний (Воронеж, Царицын). Казачий отдел ВЦИК отмечал, что «в станице Михайловской Хоперского округа все богатые казаки находились в рядах Красной армии, а беднота на противоположной стороне» (ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 84. Д. 9. Л. 51). Особенно четко территориальное разделение просматривалось во 2-м Донском округе. Левобережные станицы здесь считались «советскими», их населяли казаки, «которые составляют лучшие полки в армии тов. Буденного» (ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 84. Д. 8. Л. 282 об.). Правобережные станицы считались «белогвардейскими». Соотношение представителей «советских» и «белогвардейских» станиц на «Беспартийной конференции» 29 августа 1920 г., куда большевики пригласили беспартийных активистов, чтобы выяснить отношение населения к новой власти, было 24 к 34 (ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 84. Д. 8. Л. 283 об.). Остальные донские округа дали в Красную армию гораздо меньше казаков. Из Верхне-Донского округа в 1918 г. ушли в Красную армию единицы.

К концу 1919 г., после того, как фронт прокатился по 6–8 раз по северным казачьим округам, белые казаки этих округов заколебались. Так, казаки станицы Филоновской на станичном сборе 6 октября 1919 г. приняли резолюцию «поддерживать советскую власть и вождей трудового народа» и просили прощения за борьбу против советской власти (ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 84. Д. 9. Л. 59).

Созданный для организации советской власти на Дону Донской комитет РКП(б) докладывал 22 октября 1919 г.: в Хоперском округе 60 % мужского населения бежало с белыми. Настроение казачества по отношению к советской власти было пассивным: «В северных станицах после вторичного занятия их белыми почти все население осталось на местах, из них много солдат, служивших в белой армии. В южных станицах настроение казачества весьма напряженное» (ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 32. Л. 11а). В Усть-Медведицком округе ситуация была лучше: «Настроение в округе удовлетворительное, есть возможность путем разъяснения и агитации получить желательные результаты» (ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 32. Л. 11а).

Желая выйти из войны, казаки послушно повторяли агитационные лозунги большевиков. Так, 28 декабря 1919 г. съезд представителей станицы Кременской и 21 хутора заявил: «Советская власть борется за освобождение казачества от пауков коннозаводчиков и царских генералов, которые хотят отнять землю у трудовых казаков» (Борьба за власть Советов, 1957: 495). Хотя в районе Кременской не было конных заводов, а земельные проблемы царских генералов на Дону были решены еще при царской власти.

Однако Донской комитет казачьим резолюциям не доверял и выступил против проведения зимой 1919–1920 гг. казачьего съезда в Донской области (ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 32. Л. 3).

К весне 1920 г. борьба на Дону была решена военным путем. Белые были прижаты к Черному морю. Примерно три четверти донских казаков, служивших у белых, были брошены на Черноморском побережье. Четвертая часть вместе с «добровольцами» ушла в Крым. Брошенным на берегу донским казакам объявлялась амнистия (кроме военных

преступников), казаки, не достигшие возраста в 34 года, зачислялись в Красную армию и отправлялись на Западный и Юго-Западный фронты против поляков.

Донские беженцы, отступавшие на Кубань со всем имуществом и скотом, тоже были брошены белыми на берегу Черного моря. Домой они вернулись уже без скота, бросили его на Кубани. Появилась поговорка «Кубань сына женила, а Дон приданое давал» (ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 84. Д. 9. Л. 184).

Не уходившие в отступление казаки смогли засеять весной 1920 г. лишь часть земли. Станицы Трехостровянская и Голубинская засеяли половину площадей от посевов 1918 г., Пятиизбянская – треть, а Верхне-Чирская и Нижне-Чирская – четверть площадей (ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 84. Д. 9. Л. 184). Казачий отдел ВЦИК считал, что у казаков «сдвиг политического сознания произошел на почве тяжелых материальных жертв, в условиях гражданской войны исключительных для некоторых казачьих областей, например, Донского, Оренбургского (так в документе. – А.В.)» (ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 84. Д. 8. Л. 10).

Лидер донских большевиков С.И. Сырцов обвинял в хозяйственной разрухе самих казаков: «В хозяйственном отношении наиболее пострадал из числа тех округов, в которых пришлось побывать, – Верхне-Донской округ, который весной минувшего года поднял восстание против Советской власти. Это восстание помешало своевременному засею полей... Убеждение оставшихся в Верхне-Донском округе казаков таково, что именно восстание привело их к таким печальным последствиям» (Положение в Донской области, 1920: 2)

И все же большинство казачьего населения было радо, что война, ведущаяся на уничтожение, закончена, большинство старых казаков были распущены по домам, а молодежь зачислена в Красную армию. В итоге «в мае месяце даже наиболее контрреволюционные станицы принимали самые восторженные резолюции» (ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 84. Д. 8. Л. 284).

С этого момента намерения власти и настроения казаков стали постепенно расходиться по разным векторам. Казаки, воевавшие с 1918 г. в рядах Красной армии, надеялись реализовать свою победу и закрепиться в органах власти. В Революционный военный совет 9-й армии 31 декабря 1919 г. поступил рапорт из одной строевой части: «Доношу, что часть казаков, дезертировавших в разное время из Хоперского полка, в данное время состоят на советских должностях в Хоперском округе... По частным сведениям, хоперские советы являются гнездом для спасающихся в тыл не только казаков Хоперского полка, но и других, в особенности 124 полка 14-й дивизии» (РГВА. Ф. 7631. Оп. 1. Д. 19. Л. 14). Все остальные стремились восстановить разрушенное войной хозяйство

Власть демонстрировала благожелательность. Упор делался на агитацию, на превозношение красного казачества. 3 февраля газета «Советский Дон», искажая реальность, писала: «Красные казаки в союзе с рабочими и крестьянами всей Советской России освободили Тихий Дон от казачьего дворянства, донских и пришлых помещиков и капиталистов». (Организация Советской власти, 1920: 1).

На страницах «Известий» большевик Ю. Стеклов писал 27 февраля 1920 г. «Красный казак – это драгоценное завоевание истории. В его лице старый мир темноты и угнетения протягивает руку новому миру света, труда, свободы; трудом и жертвой красного казака искупается много старых грехов, открывается новое плодотворное будущее» (Седина, 1976: 174).

В начале 1920 г. ревкомы реорганизовались в исполкомы, в них стали включать местное население. Однако партийные верхи в это время продолжали смотреть на казаков как на мелких помещиков. Это было озвучено в марте 1920 г. на партийной конференции Ростовского, Таганрогского, Черкасского, Миллеровского округов Донской области (ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3. Л. 20), где подавляющее большинство составляло крестьянское население, относившееся к казакам враждебно. Об этом на первой Донской областной партийной конференции, проходившей 2–5 июня 1920 г., сказал старый большевик Митрофанов (ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4. Л. 71–72), впоследствии вошедший в высший орган советской власти на Дону – Донской исполком.

Однако на открытую конфронтацию с оставшимися на Дону казаками власть не шла. 25 марта 1920 г. вышел декрет о строительстве советской власти в казачьих областях, станицы приравнивались к волостям, при местных советах стали создавать казачьи секции. На казачьи области распространялись все земельные законы РСФСР. Но на уравнительный

земельный передел на Дону в 1920 г. большевики не пошли. Земли станиц они не тронули, национализировали и передали малоземельным казакам и крестьянам лишь частновладельческие, монастырские, церковные, запасные войсковые земли.

В то же время власть намеревалась «расслоить» основную массу казачества, вычленив из него часть, на которую большевики могли бы опереться. Заведующий информационного отдела Казачьего отдела ВЦИК Клунников докладывал: «Если крестьянство расслоилось еще в 1918 г., то казачество не проделало такого расслоения до сего времени. Если в крестьянстве выделились беднейшие и середняцкие слои, то казачество не оформило таких слоев» (ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 84. Д. 8. Л. 7).

Для расслоения казаков для начала надо было изолировать или даже ликвидировать авторитетную казачью верхушку. 8 апреля 1920 г. «Дончека предлагает всех бежавших и ныне возвращающихся офицеров Деникинской армии отправлять [к] этапным комендантам для отправления [в] глубокий тыл в концентрационные лагеря, полицейских чиновников, жандармов арестовывать и заключать в концлагерь для принудительных работ на сроки от 2 до 5 лет» (ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 516. Л. 36).

И, кроме того, власть была заинтересована в завоеванных территориях как в источнике продовольствия. Но для этого надо было организовать властный аппарат. Аппарат пытались организовать при помощи красных казаков, членов Казачьего отдела ВЦИК, подбор которых еще в 1918 г. был достаточно случаен. Тем не менее, на Дону в казачьих станицах они были известны, пытались устанавливать здесь власть в 1919 г., боролись с перегибами (как они их понимали).

5 января 1920 г. в Донскую область прибыли наиболее авторитетные члены Казачьего отдела М.П. Мошкарлов и Ф.Д. Чекунов. Михаил Петрович Мошкарлов – петроградский рабочий с завода «Гейслер и С», казак по происхождению, член партии с августа 1917 г., с 4 сентября 1918 г. был председателем Казачьего отдела ВЦИК (ГАРО. Ф. 97. Оп. 1. Д. 3. Л. 69). Федор Данилович Чекунов – казак станицы Анненской, член партии с 21 января 1918 г. (со дня разгрома донского партизанского отряда полковника В. Чернецова), 42 лет (возраст, по казачьим понятиям, довольно солидный), прошел путь от вахмистра царской армии до члена Казачьего отдела ВЦИК, в январе 1918 г. вместе с Ф.Г. Подтелковым входил в Донской казачий военно-революционный комитет, 23 марта 1918 г. встречался с В.И. Лениным, докладывал ему о положении на Дону.

Но административные способности указанных красных казаков, видимо, оставляли желать лучшего, и их из отдела ВЦИК «бросили» всего лишь на руководство казачьим округом, но зато наиболее контрреволюционным – Верхне-Донским. Мошкарлов был назначен председателем Верхне-Донского окружного исполкома, а Чекунов возглавил там земельный отдел.

Позже проверяющий из центра отметил: «Мошкарлов – казак Донской области, член ВЦИК. Вполне оправдывает свое назначение, близко стоящий к быту и нуждам казачества, особых административных дарований в строительстве советской власти не имеет» (ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 619. Л. 14 об.). Когда власть «устоялась», М.П. Мошкарлов занял должность редактора окружной газеты.

4 февраля 1920 г. красные казаки 2-го Донского округа просили прислать к ним члена Казачьего отдела ВЦИК Козюбердина (ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 84. Д. 9. Л. 60), бывшего казачьего офицера, который в 1918 г. командовал под Царицыном красным казачьим полком.

Но трое названных товарищей не были уроженцами тех мест, куда их назначали или приглашали. Мошкарлов был из Новочеркасска, Чекунов – из Анненской, Козюбердин – из Луганской станицы. Между тем оставшиеся в станицах казаки просили, чтобы к ним на руководящие должности прислали местных уроженцев. Донской комитет РКП(б) поддерживал такие настроения и просьбы. 8 марта 1920 г. Донком постановил направить в Верхне-Донской округ местного уроженца, красного казака И.Г. Мельникова (ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 11. Л. 9а). Но И.Г. Мельников служил в штабе кавалерийской дивизии, и с переводом в округ возникли трудности. Окружные власти настаивали. 8 мая из округа в областной центр пришло ходатайство: «Верхне-Донской окружной исполком, исходя из соображений, направленных на усиление работы своих аппаратов, поставив во главу задач оказать как можно больше влияния на казачьи трудовые массы и до крайних пределов нуждаясь в казаках-работниках, ходатайствует перед Вами об оставлении

в распоряжении Окрисполкома казаков Еланской станицы, пользующихся большой популярностью среди населения т. Фомина Якова Ефимовича и Мельникова Ивана Григорьевича» (ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 598. Л. 28). В резолюции говорилось: «Разрешено. Если не состоят на военной службе» (ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 598. Л. 27).

Стремление передать власть своим уроженцам – красным казакам было на Дону общим. 3 июня 1920 г. в Казачий отдел ВЦИК докладывали с мест: «Надо отметить, что казаки как раз стараются проводить в советы людей, хорошо знающих район» (ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 84. Д. 9. Л. 206).

То, что красных казаков, пытавшихся остаться в органах власти на родине, вновь забирали в ряды Красной армии, вызывало тревогу окружающих органов. Так, А.М. Детистов, уроженец станицы Качалинской 2-го Донского округа, бывший до 25 мая 1920 г. комиссаром 4-й кавалерийской дивизии Конной армии С.М. Буденного, сообщал, что бывших казаков-красноармейцев из исполкомов отправили в армию, а вместо них в исполкомы проникли люди, «лишь вчера возвратившиеся с Кубани или Кавказа, куда они уходили с белыми. А исполкомы из таких лиц кроют в себе пока что немалую опасность для Советской власти на Дону» (ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 84. Д. 8. Л. 281 об.).

С возвращением бывших белых структура общества в станице усложнилась. Представитель станицы Нижне-Чирской 17 августа 1920 г. разделил население станицы на 3 категории: 1) красное казачество, отступавшее от белых, семьи красноармейцев и пострадавшие от Гражданской войны – революционный оплот в округе; 2) оставшиеся, не отступившие с белыми, «не верившие в силу и правду белых», эти казаки «стоят больше за советскую власть, они ждут от нее помощи, организации и защиты их хозяйственного положения... Надо для них создать реальные хозяйственные условия» (ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 84. Д. 8. Л. 142 об.–143). Третью категорию составляли «вынужденные вернуться белогвардейские семьи и служившие в белой армии: 1-е искоса поглядывают на крестьянские массы, 2-е делятся на ярых и хотевших перейти» (ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 84. Д. 8. Л. 143). Затем представитель неожиданно добавил четвертую категорию: «обыватели (интеллигенция); провокаторы, их надо на принудительные работы» (ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 84. Д. 8. Л. 143).

В условиях смены власти к ней стали пробираться разные темные элементы. В Верхне-Донском округе «помощник начальника милиции занимался распродажей советского имущества (тов. Кондратьев) и выпивкой “дымки”, а милиция следовала по стопам своего начальства» (ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 619. Л. 1). Оттуда же сообщали, что «милиция состоит из ненадежного элемента, бывших белых прислужников, поэтому вполне естественно, что главной ее целью являются нажива и пьянство» (ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 619. Л. 27).

В июле 1920 г. в Казачий отдел ВЦИК сообщали, что население Хоперского округа возбуждено спекуляциями властей. От него поступали заявления в Рабоче-крестьянскую инспекцию (ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 84. Д. 9. Л. 230).

Но в целом летом 1920 г. обстановка на Дону оставалась относительно спокойной. 2 июня 1920 г. проходила 1-я областная партийная конференция, на которой представитель 2-го Донского округа Болдырев констатировал: «Средние элементы, запуганные денкинциной, одно время сильно шатнулись в правую сторону, а теперь, когда убедились, что советская власть не хочет уничтожения казачества, они шатнулись в ее сторону» (ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 8. Л. 28).

17 июня 1920 г. состоялся 2-й съезд Советов Донской области. Съехались крестьян – 96, казаков – 74, рабочих – 59. И здесь прозвучали определенные нотки недовольства властью. Делегат Мусиенко, докладывая о советском строительстве, сказал: «На окружных съездах были возгласы со стороны представителей хуторов, что с них тянут, а они ничего не получают. Да и здесь некоторые представители с мест говорили, что они ничего не получают» (ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 2. Л. 69). Однако дальше разговоров дело не шло. Население было пассивно и сторонилось власти. 24 июля 1920 г. в Казачий отдел ВЦИК писали о безынициативности и инертности населения: «Оно будет оставаться пассивным даже в тех случаях, когда оно могло бы предотвратить те или другие ошибки строительства» (ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 84. Д. 8. Л. 10). Имели место лишь единичные случаи проникновения во власть бывших белых.

Показательно, что среди делегатов съезда от Николаевской станицы был некий Моргулин Федор Николаевич, билет № 163, которого арестовали по телеграмме Революционного военного трибунала 10-й армии как контрреволюционера (ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 84. Д. 26. Л. 65).

Но в июле 1920 г., когда на донской территории высадился десант полковника Назарова, казаки его не поддержали. С 17 по 24 июля отряд Назарова прошел от района Таганрога до центра 1-го Донского округа станицы Константиновской, где и был разгромлен. Присоединились к нему единицы.

В сентябре 1919 г. наконец-то был создан высший орган гражданской власти на Дону – Донисполком, куда вошли: А. Знаменский, казак Константиновской станицы; Копяткевич, член партии с 1905 г., работавший с казаками 4-го и 14-го Донских полков в Петрограде; Ф. Миронов – красный командир, казак станицы Усть-Медведицкой; Митрофанов – член партии с 1902 г., столяр; Сырцов – уроженец Донской области, член партии с 1913 г. (Донской исполком, 1920: 1). Соотношение красных казаков и коммунистов неказачьего происхождения в Донисполкоме было два к трем. Но вскоре Ф.К. Миронов был отправлен на фронт на должность командующего 2-й Конной армией.

К сентябрю стало меняться настроение жителей казачьих станиц. Связано это было с введением продразверстки.

Весной казаки из-за нехватки рабочих рук и отсутствия тяглогового скота засеяли мало. Урожай 1919 г. был хорош, и в Верхне-Донском округе в июне 1920 г. хлебных излишков имелось до 150 000 пудов (В Верхне-Донском округе, 1920: 2). Но урожай 1920 г. в Верхне-Донском округе ожидался «ниже среднего...» (В Верхне-Донском округе, 1920: 2).

Из Донецкого округа вести шли тревожные: «...урожай плохой, хлеба до нового урожая не хватит» (ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 84. Д. 8. Л. 69). Сразу же обострились антибольшевистские настроения. 17 августа из Донецкого округа сообщали в Казачий отдел ВЦИК: «А на коммунистов там смотрят как на чертей и считают их просто виновниками гражданской войны», ведутся разговоры: «если коммунистов перебить, то и не будет войны» (ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 84. Д. 8. Л. 70).

С мест в Донисполком сообщали, что при продразверстке, «за неимением точных указаний, как проводить таковую, продовольственные отряды оказались не на высоте своего положения, забрали весь хлеб, не оставляя населению для еды положенных продуктов» (ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 620. Л. 3). Продотряды получили право конфискации казенного имущества, «и под этим предлогом продовольственники рылись в сундуках и забирали как казенную, так и штатского образца одежду и имущество, чем сильно озлобляют население и ставят ее (так в документе. – А.В.) против всей продработы» (ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 620. Л. 3–3 об.).

В Усть-Медведицком округе проведение продразверстки привело к голоду. В письмах в Казачий отдел ВЦИК приводились примеры, что собираемый по продразверстке налог превышал наличные продукты (ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 84. Д. 9. Л. 382). «Настроение населения шаткое и как казаки хлебоборобы, а также мастеровые и чернорабочие ничего не хотят делать» (ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 84. Д. 9. Л. 382 об.). Беднота голодала и уже испытывала недоверие к власти – «3 года обещали, но ничего не дали» (ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 84. Д. 9. Л. 382 об.).

В этой тревожной ситуации на Дон с Украины вступили отряды махновцев. 20–25 сентября махновцы находились на территории Верхне-Донского округа, прошли ее с запада на восток и вернулись обратно. Верхне-Донской окружной исполком, имея 1000 штыков, уклонился от боев и бежал в самый северный хутор округа Шумилин (ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 84. Д. 9. Л. 383).

Представитель ВЦИК Стариков 5 октября 1920 г. писал в Казачий отдел: «В Букановской, Еланской и Усть-Хоперской станице милиция работала под Махно, и жители выходили навстречу... найдено много оружия... Население готово на какое угодно выступление, лишь бы оно было против сов. власти» (ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 84. Д. 9. Л. 383). Но воодушевление было временным. Махновцы в подавляющем большинстве своем к казакам отношения не имели. Да и боеспособных казаков на Дону практически не оставалось.

15 октября из Верхне-Донского округа докладывали: «Перед приходом махновцев население частью с радостью ожидало таковых, но как только увидело все их проделки и грабежи лошадей, то стало в неопределенное положение и больше пряталось; с бандами ушло из всех станиц и хуторов, каковые были заняты бандами, 4 человека из лиц с грязным прошлым и почти ничего своего не имеют, в рядах банд видели 2–3 человека из занятых станиц, которые раньше были в белой армии и теперь скрываются в бандах, об ушедших составлена следственная комиссия и приступлено к конфискации имущества» (ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 620. Л. 3). В ограбленном и голодающем Усть-Медведицком округе большевики даже провели против Махно мобилизацию, которая дала 300 штыков и 300 сабель (ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 84. Д. 9. Л. 382 об.).

Судя по докладам с мест (12 сентября 1920 г.), оставшиеся на Дону казаки не поддержали выступлений Назарова и Махно, опасаясь окончательного разорения: «Если придет фронт, то лишимся последнего добра... А когда у нас ничего не останется ни во дворе, ни в амбаре, тогда нам один черт, что председатель, что атаман» (ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 84. Д. 8. Л. 284 об.).

Осенью, когда фронты на Юге были близки к ликвидации, ситуация на Дону ухудшилась в связи с продразверсткой. В Верхне-Донском округе «проведение разверстки за недостатком сил и классового сознания казачества проходит в большинстве случаев не в нашу пользу, так как полного расслоения не произошло и не удалось объединить бедноты вокруг РКП(б)» (ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 33. Л. 31). В Усть-Медведицком округе «население не поняло еще значения партии и ее тактики» (ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 7. Л. 59).

18 ноября 1920 г. ВЦИК и СНК РСФСР приняли декрет «О землепользовании и землеустройстве в бывших казачьих областях», который гарантировал оставление за казачеством его надельных земель, то есть земель станиц и хуторов. Но этот документ не повлиял на настроения на Дону.

В целом представитель Казачьего отдела Стариков констатировал: «Донская область за все время существования в ней Советской власти мало изменилась или же совсем не изменилась» (ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 8. Л. 348). Источник сопротивления он видел в южных станицах Дона. «За исключением рабочих-революционеров на фабриках и рудниках Юг Дона богат и реакционен», – писал он и предлагал разделить Область на «революционный Север» и Юг (создать 2 губернии) (ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 8. Л. 349). Но антибольшевистские настроения сместились в недовольные продразверсткой крестьянские волости, которые изначально были за большевиков, считали себя победителями в Гражданской войне и были разочарованы тем, что у них отбирают хлеб. И если казаки имели горький опыт «расказачивания» и побаивались выступать, то крестьяне, видимо, такого страха не испытывали. Из Хоперского округа сообщали, что «в станицах население опролетаризировалось, а в волостях нет» (ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 7. Л. 54а). По соседству, на территории Воронежской губернии, в Монастырщине, крестьяне создали отряд в 300 штыков, который возглавлял «казак-махновец» Колычев. В слободе Михайловке, на севере Усть-Медведицкого округа, 18 декабря 1920 г. восстал караульный батальон, восстание возглавил командир батальона К.Т. Вакулин, который отнюдь не был казаком. Более того, Вакулин во время Гражданской войны сражался в рядах Красной армии. Борьба с отрядом Вакулина затянулась до весны 1921 г.

Еще одним источником тревоги стали красноармейские части местного формирования, в значительной мере состоявшие из пленных белых казаков.

С.М. Буденный в своей книге «Пройденный путь» писал, что бойцы и командиры Конной армии получали много писем от своих родных с Дона, Кубани, Ставрополя, Северного Кавказа. В этих письмах нередко родные сообщали своим сынам и отцам о том, что на местах представители советской власти забирают у них хлеб, скот, фураж, лошадей. Естественно, это беспокоило конармейцев. Буденный объяснял бойцам, что зачастую к власти на местах пробиваются бывшие белогвардейцы и специально вредят (Буденный, 1965: 341).

11 октября 1920 г. на 2-ю партийную конференцию из Конной армии прибыл 81 представитель для ознакомления с работой на местах (ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 7. Л. 1). Видимо, представители не были удовлетворены увиденным и услышанным, т.к. осенью и зимой власть на Дону стала опасаться восстания воинских частей. Связано это было

с выводом советских частей из Крыма после разгрома Врангеля и размещения их по разным областям Украины и Юга России. Боеспособные казаки в это время были или в эмиграции или в Красной армии, составляя значительную часть ее конницы.

В феврале 1921 г. командир бригады 1-й Конной армии Г.С. Маслаков с тремя эскадронами 19-го кавалерийского полка оставил ряды армии и двинулся на Дон, где начал борьбу с большевиками.

В 1921 г. 3-я партийная конференция отмечала, что во 2-й кавалерийской дивизии: «многие из красноармейцев стали очень болезненно реагировать на ненормальности, отрицательно настроились к местным советским органам. Эти настроения охватили часть командного состава и даже политработников» (*Боевой путь, 1930: 149*). Особенно плохой была ситуация во 2-й бригаде (казачьей). При приближении дивизии продовольственные агенты бросали работу и убегали. В войсках начались побегы, уход в банды (*Боевой путь, 1930: 149*).

Под подозрение попал бывший командующий 2-й Конной армией Ф.К. Миронов. Сотрудник ДонЧК Буров докладывал 21 февраля 1921 г.: «Из данных, имеющихся в Донске, можно установить, что уже теперь некоторая связь имеется, и в частности Миронов в этой истории играет не последнюю роль. Пока общий план, по-видимому намечается следующий: 1. Банда Антонова, Вакулина стремится прийти в северную часть Донской области, где расположен 2-й конный корпус Миронова и создать крепкий сильный удар нам с севера» (*ЦДНИРО. Ф. 910. Оп. 3. Д. 659. Л. 3 об.*). 2-й конный корпус так и не восстал, но для Миронова эти подозрения кончились трагически – арестом и расстрелом (*Филипп Миронов, 1997*).

14 марта 1921 г. в станице Вёшенской восстал караульный эскадрон, сформированный из местных красных казаков. В бумагах Окружного военного совещания по борьбе с бандитизмом это восстание названо «восстанием Фомина и Мельникова» (*ЦДНИРО. Ф. 2783. Оп. 1. Д. 31. Л. 2*), тех самых красных казаков, о присылке которых на работу в округ год назад ходатайствовали окружные власти. Отряд Фомина удалось разгромить лишь в 1922 г.

Весь 1921 г. на Дону прошел под знаком борьбы с «политическим бандитизмом», то есть – с повстанческим движением.

4. Заключение

Таким образом, понеся огромные потери в Гражданской войне, донские казаки пытались примириться с новой властью и адаптироваться к новым условиям жизни. Власть не имела достаточно сил, чтобы организовать эффективную систему управления, сделала ставку на немногочисленных красных казаков и объявила амнистию многочисленным белым казакам, зачислив их в Красную армию и выведя тем самым с территории Дона. Проведение продовольственной политики новой властью вызвало резкое недовольство казачества, но открытых выступлений не было, потому что боеспособные казаки были вне пределов области. Как только началось возвращение воинских частей на территорию Дона, ситуация обострилась. Адаптация казаков к новым условиям жизни в 1920 г. не состоялась.

5. Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта Российского научного фонда № 17-18-01411 «Войны и население юга России в XVIII – начале XXI в.: история, демография, антропология».

Литература.

Боевой путь, 1930 – Боевой путь блинцев: история боев и походов 5-й Ставропольской им. тов. Блинова кавалерийской дивизии 1919–1929. Ставрополь: Северный Кавказ, 1930. 235 с.

Борьба за власть Советов, 1957 – Борьба за власть Советов на Дону. Ростов-на-Дону: Ростовское книжное издательство, 1957. 528 с.

Буденный, 1965 – *Буденный С.М.* Пройденный путь. Книга вторая. М.: Воениздат, 1965. 392 с.

В Верхне-Донском округе, 1920 – В Верхне-Донском округе // *Трудовая жизнь.* 1920. № 29. 13 июня.

Войны и население, 2019 – Войны и население Юга России в XVIII – начале XXI в.: демографические процессы и последствия. М.: Политическая энциклопедия, 2019. 767 с.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

ГАРО – Государственный архив Ростовской области.

Донской исполком, 1920 – Донской исполком // *Советский Дон*. 1920. № 4. 6 февраля.

Кислицын, 2015 – *Кислицын С.А.* Указ и шашка: Политическая власть и донские казаки в первой половине XX века. М.: ЛЕНАНД, 2015. 360 с.

Организация Советской власти, 1920 – Организация Советской власти на Дону // *Советский Дон*. 1920. № 1. 3 февраля.

Положение в Донской области, 1920 – Положение в Донской области // *Советский Дон*. 1920. № 5. 7 февраля.

Рвачева, 2017 – *Рвачева О.В.* Политика партийно-советских органов и социально-политические настроения донского казачества в период социалистической модернизации 1920–1940 гг. Волгоград: Изд-во Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, 2017. 232 с.

РГВА – Российский государственный военный архив.

Седина, 1976 – *Седина А.М.* На крутом повороте. М.: Советская Россия, 1976. 233 с.

Филипп Миронов, 1997 – Филипп Миронов. (Тихий Дон в 1917–1921 гг.). Документы и материалы. М.: Международный фонд «Демократия», 1997. 792 с.

ЦДНИРО – Центр документации новейшей истории Ростовской области.

References

Boevoi put', 1930 – Boveoi put' blinovtsev: istoriya boev i pokhodov 5-i Stavropol'skoi im. tov. Blinova kavaleriiskoi divizii 1919–1929 [The battle path of the blinovtsy: the history of the battles and campaigns of the 5th Stavropol region Blinov cavalry division 1919–1929]. Stavropol': Severnyi Kavkaz, 1930. 235 p. [in Russian]

Bor'ba za vlast' Sovetov, 1957 – Bor'ba za vlast' Sovetov na Donu [The struggle for power of the Soviets on the Don]. Rostov-na-Donu: Rostovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1957. 528 p. [in Russian]

Budennyi, 1965 – *Budennyi, S.M.* (1965). Proidennyi put'. Kniga vtoraya [Passed path. Book 2]. М.: Voenizdat, 392 p. [in Russian]

V Verkhne-Donskom okruge, 1920 – V Verkhne-Donskom okruge [In the Upper Don district]. *Trudovaya zhizn'*. 1920. № 29. June 13. [in Russian]

GARF – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State archive of the Russian Federation].

GARO – Gosudarstvennyi arkhiv Rostovskoi oblasti [State archive of Rostov region].

Donskoi ispolkom, 1920 – Donskoi ispolkom [Don Executive Committee]. *Sovetskii Don*. 1920. № 4. February 6. [in Russian]

Filipp Mironov, 1997 – Filipp Mironov. (Tikhii Don v 1917–1921 gg.). Dokumenty i materialy [Philip Mironov. (The quiet Don in 1917–1921). Documents and materials]. М.: Mezhdunarodnyi fond «Demokratiya», 1997. 792 p. [in Russian]

Kislitsyn, 2015 – *Kislitsyn, S.A.* (2015). Ukaz i shashka: Politicheskaya vlast' i donskie kazaki v pervoi polovine XX veka [Decree and shashka: Political power and the Don Cossacks in the first half of the 20th century]. М.: LENAND, 360 p. [in Russian]

Organizatsiya Sovetskoi vlasti, 1920 – Organizatsiya Sovetskoi vlasti na Donu [Organization of Soviet power in the Don region]. *Sovetskii Don*. 1920. № 1. February 3. [in Russian]

Polozhenie v Donskoi oblasti, 1920 – Polozhenie v Donskoi oblasti [The situation in the Don region]. *Sovetskii Don*. 1920. № 5. February 7. [in Russian]

RGVA – Rossiiskii gosudarstvennyi voennyi arkhiv [Russian state military archive].

Rvacheva, 2017 – *Rvacheva, O.V.* (2017). Politika partiino-sovetskikh organov i sotsial'no-politicheskie nastroyeniya donskogo kazachestva v period sotsialisticheskoi modernizatsii 1920–1940 gg. [The policy of the party-Soviet bodies and the socio-political mood of the Don Cossacks during the period of socialist modernization in 1920–1940]. Volgograd: Izd-vo Volgogradskogo instituta upravleniya – filiala RANKhiGS, 232 p. [in Russian]

Sedina, 1976 – *Sedina, A.M.* (1976). Na krutom povorote [On a sharp turn]. М.: Sovetskaya Rossiya, 233 p. [in Russian]

TsDNIRO – Tsentр dokumentatsii noveishei istorii Rostovskoi oblasti [The documentation centre of recent history in Rostov region].

Voiny i naselenie, 2019 – Voiny i naselenie Yuga Rossii v XVIII – nachale XXI v.: demograficheskie protsessy i posledstviya [Wars and population in the south of Russia in the 18th – the early 21st centuries: demographic processes and impacts]. M.: Politicheskaya entsiklopediya, 2019. 767 p. [in Russian]

Адаптация донских казаков к послевоенной жизни (1920 год)

Андрей Вадимович Венков ^{a, *}

^a Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук, Российская Федерация

Аннотация. Донское казачество было разорено Гражданской войной и стремилось выйти из войны и примириться с новой властью. Особенно стремились к этому северные округа, которые пострадали от войны сильнее. Советская власть стала создавать новые органы власти из просоветски настроенных казаков, а белых, сдавшихся в плен, включила в состав Красной армии и направила на фронт против поляков и Врангеля. Однако быстрой адаптации казаков к Советской власти не произошло. Власть большинству казаков не доверяла, а казаки были недовольны продовольственной политикой большевиков. Открытых выступлений казаков на Дону в 1920 г. не было, поскольку боеспособные казаки были либо в Красной армии, либо в войсках генерала Врангеля. Но ситуация вновь стала взрывоопасной, когда боевые действия на фронтах закончились, и казаки, служившие в Красной армии, узнали о продовольственной политике, проводимой властью на Дону. Начались разрозненные выступления красноармейских частей против власти. Адаптации донских казаков к послевоенной жизни в 1920 г. не произошло. Предстоял новый этап взаимоотношений казаков и власти.

Ключевые слова. Донские казаки, Гражданская война, советская власть, адаптация, продовольственная политика, 1920 год.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: andrey_venk@rambler.ru (А.В. Венков)